

№237 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Мученик Власий

На прошлой неделе мы отметили с Вами день памяти Власия, епископа Севастийского, принявшего мученическую смерть за веру во Христа в начале 4-го века в царствование римского императора Лициния. А за несколько лет до ареста Власию пришлось ещё испытать отшельнический подвиг – поневоле – скрываясь от преследователей, жил он в пещере тамошней горы Аргеос в посте и молитве. Так что Власий – святой разносторонний – три в одном, так сказать – и святитель, и аскет, и мученик.

Агиографический жанр вполне допускает наличие легендарной составляющей в жизнеописании святых. Т.е., наряду с историческими сведениями, в житии того или иного святого зачастую помещаются благочестивые сказания, легенды, вымыслы разные. И это не является обманом, фальшивкой или подлогом.

Мы же не пеняем на Андерсена, за то, что, он понапридумывал, там, снежную королеву, которой не могло существовать в природе, голого короля, о котором история умалчивает, и прочих. Это сказка, жанр которой предполагает вымыслы.

Житие того или иного святого, конечно, не сказка – ядро жизнеописания, безусловно, исторично. Но экзотические подробности вполне могут быть присочинены. И наши предки относились к этому спокойно. Цель-то жития, в первую очередь, воспитательная. Главное, чтобы польза для души читателей максимальной была, а степень историчности того или иного события – дело десятое.

Хотя, конечно, уже мы с Вами, люди современные, ценим более строгую историчность и подозрительно относимся к легендарности житийной литературы. Скажем, Житие Антония Великого – ну, это, безусловно, шедевр – оно написано прекрасным живым языком, и стопроцентная его историчность никем не оспаривается. Ну так и составитель – кто? Святитель Афанасий Великий.

Ну а житие нынешнего святого Власия Севастийского составлял далеко не Афанасий Александрийский. И здесь, конечно, мы прочитаем много интригующего – и как дикие

звери-хищники регулярно подходили под благословение к Власию, подвизавшемуся в пещере горы Аргеос – вероятно, сложив лапы крестообразно. Более того, вся эта зубатая живность – львы, тигры, шакалы проявляли высочайшее смирение и культуру – они выстраивались в очередь ко входу в пещеру святого и подолгу терпеливо ждали, когда Власий окончит молитву и соизволит их принять.

А однажды бедная вдова пожаловалась святому на волка, который утащил единственное её достояние – поросёнка. Епископ улыбнулся и сказал ей: «Не плачь, твой поросенок будет тебе возвращен...» И, действительно, ко всеобщему изумлению, волк прибежал обратно и принёс вдове свою добычу невредимой.

Неплохо придумано. Хотя, с другой стороны, утверждать, что такого не могло быть потому, что не могло быть никогда, тоже дело неблагоприятное, неблагочестивое и даже ненаучное.

Почему бы не допустить, что у Власия были какие-то особые дары – способность воздействия на психику животных?

На свете может быть всё. Другое дело, не все мы верить обязаны. Тем более, вещам второстепенным. Подходили львы с тиграми под благословение к святому или нет – очень даже может быть, что это агиографические фантазии. Но уж то, что святителю Власию голову отрубили за исповедание веры во Христа – это уже факт, историчнее которого ничего быть не может.

Малый вход и Великий

Иоанн: «Когда-то я уже, по-моему, делился с Вами секретным приёмом словесным, который может помочь Вам выйти, ну абсолютно из любого крайне затруднительного положения – даже если Вас муж застал с любовником. Сделайте серьёзный вид – **очень** серьёзный и уверенным вкрадчивым голосом скажите супругу: «Так надо». Действует безотказно».

Примерно этот же принцип срабатывает и относительно наших Богослужений. Ну вот, скажем, на вечерне – хор начинает петь догматик, так называемый, открываются врата на иконостасе и пресвитер с кадильницей обходит вокруг престола – впереди пономарь со свечой, выходят они из алтаря **левой** вратницей, батюшка становится перед вратами, совершает их каждение – если в службе участвует дьякон, то – **он** с кадильницей. Далее – сакраментальное: «Премудрость, **прости**», и после целования икон и благословения народа предстоятель заходит в алтарь, но уже **центральными** вратами.

Загадочный моцион, не правда ли? И название интригующее – «Малым входом» называется. В отличие от Великого, когда почти тот же маршрут проделывается на литургии с чашей и дискосом. Собственно, почему вход, а не выход. Батюшка находился в алтаре, а потом на минутку **вышел** к народу – правда, спиной к людям. И выкрикнул ни с того, ни с

сего: «Премудрость, прости». В чём премудрость, что за «прости» – прости, что ли? Кого прощать? За что? За то, что спиной к народу? Так это у нас в порядке вещей. Здесь уже не просто «прости», а полагается - «тысячу извинений».

Ну, насчёт прости – здесь, вроде, как уяснить на первый взгляд не трудно. Слово это с длиннющей бородой - тысячелетней давности, означающее «встанем прямо». Точнее, наверное, было бы здесь употребить армейскую команду: «смирно!»

Но всё равно не понятно – а до этого, что – вразвалочку все стояли - согнутыми и перекошенными, что надо выпрямляться? Так вроде, нет.

На самом деле – это примерно тот же курьёз, как и с дьяконским возгласом: «Восстаните!», который в самом начале вечерни. Представляете, почти во всех храмах постсоветского пространства – ни одной скамейки, ни одного сидения. Бедные люди, пришедшие в храм заблаговременно, начинают испытывать боль в ногах ещё до начала Богослужения. И вот словно издевательством над честным народом звучит это ехидное дьяконское: «Восстаните!» Зачем звучит? «Так надо!»

В былые времена, где в храмах были скамьи, там действительно присутствовал смысл перед какой-то молитвой сказать: «Встанем, братья и сёстры, сейчас стоя помолимся – разумеется, у кого ноги и спина здоровы».

Да, так вот, «прости», значит - станем прямо, успокоимся, стоим смирно, благоговейно, не бродим по храму, не раскачиваемся в разные стороны и т.д. Т.е., само значение призыва, вроде, как уяснили, но смысл-то его в чём?

В настоящее время – ни в чём! Ну, разве что, призвать к ответственности недисциплинированных прихожан, которые не вовремя ходят-бродят по храму. Но они уж точно не поймут – что значит «прости» и не отнесут сие на свой счёт.

Всё дело в том, что так называемый ныне «вход» - в своё время действительно был входом - вхождением - в храм или в алтарную часть молитвенного здания. В некоторых восточных церквях до сих пор сохранились древние традиции не стоять на месте во время Богослужения, а перемещаться. Скажем, начать Богослужение перед входом в храм или в притворе, продолжить – в задней - трапезной части храма, затем перейти в среднюю. Это обыкновение отнюдь не праздно. Стоять длительное время без движения на месте и нудно, и утомительно. Нынешнее духовенство этим не озабочено. Им же хорошо там, в алтаре за глухой оградой. Там и кресла есть – развалиться-отдохнуть можно, и комнатушки – и пономарка, и ризница, где можно словцом перебраться – Как жизнь? Что нового? Слушай новый анекдот!.. А люди бедные стоят в средней части храма и переминаются с ноги на ногу с колом в спине.

Иное дело – собираются богомольцы в церковном дворе, скажем, на лавочках под липа-

ми, общаются между собой, чаёк успевают испить. И сюда же к ним к назначенному времени выходит протодьякон - громким голосом призывает всех: «Восстаните!» И тут же, на свежем воздухе, начинается первая часть Богослужения. А затем следует вход в трапезную часть – там попели-помолились, ну и затем передислоцировались уже в **переднюю** часть храма. Если Богослужение длинное – не беда – вновь выйдем во двор, обойдём несколько раз вокруг храма, разомнёмся, и вновь дружно зайдём.

Понятное дело, от этих древних традиций у нас остались обглоданные косточки, но что-то таки сохранилось. Ну вот, так называемая лития – обычно её служат вечерами перед большими праздниками – обращали, наверное, внимание – духовенство выходит прямо к входным дверям – выстраивается там, возглашаются молитвенные прошения, предстоятелем произносится молитва, после чего духовенство перемещается в среднюю часть – там на столике пять маленьких хлебцев и три сосуда – с пшеницей, вином и елеем – тоже рожки да ножки – тот малюсенький хлебец здоровому человеку на один зуб. А в древности – это благословение **трапезы** для всех без исключения – и не понюхать или потрогать, а поесть-насытиться. Далее духовенство движется уже из средней части – в алтарь. Бедного люда это тоже не касается - как стояли, так и продолжают стоять.

Да, так вот **вход** – сейчас он, так называемый, а в древности – реальный – духовенство не просто круги нарезало – в левую дверь вышли из алтаря, а в среднюю обратно вошли – чтоб ничего не снилось, а действительно - не понарошку - из средней части храма входили в алтарную. А народ, соответственно, подтягивался, перемещаясь из трапезной части в среднюю.

Чем такое сопровождается? Я думаю, Вы неоднократно наблюдали картину, когда народ входит в храм после крестного хода – будь то на Пасху, храмовый день или на иные праздники. Шум от шарканья ног, кто-то с кем-то поздоровался, все мельтешат - одни движутся к привычным для себя местам, кто-то, пользуясь суматохой решил просто без дела пройтись по храму и т.д. Т.е., требуется какое-то время для успокоения, вновь воцарения тишины, молитвенного сосредоточения. И вот здесь самое время и смысл воскликнуть: «Прости!» - «Смирно!» – встать всем прямо, прекратить ходьбу и движения! Сосредоточились? Продолжим молитву!

При **таком** раскладе всё логично, на своих местах, функционально и осмысленно. Ну а взять, к примеру, с Престола Евангелие, вынести его в одни двери, тут же внести в другие и, даже не раскрывая, положить на то же самое место – вопрос – зачем надо было его трогать? Ответить невозможно, также, как и на вопрос – зачем ручка внутри горшка?

Но ответ есть, причём железобетонный: «Так надо!» Аминь.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным